

Ханьгуй хоть и был пограничным городком Боцзянь, тем не менее в нём собрались торговцы из разных стран. Гостиницы, которые располагались в маленьком и оживлённом городе, благодаря приехавшим торговцам процветали ещё больше.

Приближённые слуги спрашивали у нескольких хозяев гостиниц, и те говорили, что мест или нет, или в противном случае оставались лишь несколько дешёвых боковых комнат. Въехав в городок и потратив почти полчаса, Ле-эру удалось найти гостиницу с комнатами на верхних этажах.

— Ваш подчинённый осмотрел гостиницу, говорят, что она хорошая, а на самом деле потрёпанная. Но, боюсь, что в этом городе лучше не отыскать, увы, потому что сегодня в Ханьгуй приехало очень много людей.

Жун Тянь с Фэн Мином направились в комнату, и князь, обернувшись, спросил следовавшего за ними Ле-эра:

— Почему не видно твоего старшего брата?

— Старший брат вышел закупиться кое-какими товарами, скоро вернётся, — подмигнул Ле-эр.

Князь, поняв, что Жун Ху наверняка отправился собирать информацию, больше не стал расспрашивать и слегка кивнул. Пройдя в комнату, Фэн Мин тотчас же обратил внимание на кровать с полуветхим пологом и, вспомнив, что выиграл пари, невольно обрадовался, после чего, схватив Жун Тяня, затараторил:

— Я проголодался.

— Так рано? — бывший император Силэй посмотрел на небо.

— Угу, — князь хохотнул. — Рано перекусим, рано ляжем спать. — И бросил взгляд на кровать.

Ле-эр открыл рот:

— Сейчас только полдень.

— Тогда перекусим в полдень, а потом послеобеденный сон. — Фэн Мин, увидев, что Жун Тянь изогнул губы в улыбке, спросил: — Чего хихикаешь? Ты пообещал мне, так что никаких отговорок. — Юноша напрягся.

Слегка дотронувшись пальцем до кончика носа князя, Жун Тянь со смехом сказал:

— Я просто рад. Такой длинный путь, а ты всё ещё бодр, видимо, после возвращения из Дунфань твоему телу действительно стало лучше.

Ле-эр попросил приятеля-слугу подать обед и лично стал ухаживать за господами, пока те не закончили трапезничать. Увидев, что Фэн Мин безостановочно подмигивает ему, Ле-эр, ещё не зная сути дела, тотчас же тактично проговорил:

— Ваш подчинённый с вашего позволения уходит.

Покинув комнату и заботливо закрыв дверь, Ле-эр подозвал двух охранников:

— Я ухожу, а вы хорошенько охраняйте, будьте начеку. — Сделав два шага вперёд, юноша обернулся и, вернувшись, странно и в то же время приглушённо добавил: — Услышите в комнате необычные звуки, не обращайтесь внимания.

Приближённые охранники прислуживали Жун Тяню долгие годы, поэтому каждый ясно осознавал, что государь и князь Мин способны на безрассудства; понимающе улыбнувшись, они ответили:

— Ну, в конце концов, на постели удобнее, чем в повозке.

Ле-эр вновь проговорил:

— Подождите, когда выйдет князь Мин, ведите себя естественно, будто ничего не знаете. Князь Мин застенчивый.

— Конечно.

И несколько человек, опустив головы, ухмыльнулись, и только тогда Ле-эр ушёл.

Фэн Мин, в три укуса покончив с обедом и проводив Ле-эра, окинул взглядом находящегося рядом Жун Тяня и широкую кровать, волнение внезапно охватило тело, да так, что захотелось петь. Князь, смерив взглядом мужчину, напомнил большого серого волка, который увидел белого зайчика.

Конечно, Жун Тянь не являлся белым зайчиком, улыбаясь, он стоял перед князем, позволяя вволю оглядеть себя:

— Если хочешь смотреть, то лучше позволить тебе разглядеть всё как следует. — Подойдя к окошку, молодой мужчина закрыл его и, повернувшись к Фэн Мину, потянулся к поясу, собираясь его развязать.

Красивая женщина, сняв одежду, становится очень очаровательной, однако кто бы мог подумать, что силе очарования обнажённого мужчины ещё сложнее будет противиться. Жун Тянь, тотчас же развязав пояс, бросил его к ногам, затем легко развязал шнурок накидки, которая плавно соскользнула и упала на пол.

Наблюдая, как император Силэй кончиками пальцев неторопливо и изящно расстёгивает одну за другой маленькие застёжки, Фэн Мин заметил, что застал дыхание.

Каждое малейшее движение Жун Тяня было словно медленный ритмичный танец, безмятежный, не утративший мужскую красоту, наоборот, даже соблазнительный.

Небесные духи с тщательностью высекли превосходный образ: горящие воодушевлением глаза, длинные пальцы, постепенно обнажающие в меру накачанные шею и плечи, создав потрясающе соблазнительную ловушку.

Самое обычное обнажение в исполнении императора Силэй было подобно беззвучному искусству. Сердце Фэн Мина поначалу бешено заходило в груди, словно у напуганного дикого коня, казалось, что постепенно оно успокаивается, как будто ввели анестетик. Окрылённый и не понимающий, где находится, князь в растерянности подумал: «В огромном мире лишь я могу видеть Жун Тяня таким, и он единственный, кто может со мной так».

Чувство гордости появилось само собой, и так хотелось закричать, позволяя всей Поднебесной узнать о переполнявших душу сладости и счастье, но было страшно испортить такое наслаждение.

Вскоре, сняв верхнюю одежду, Жун Тянь обнажил крепкую гордо выпяченную грудь.

Внимательно глядя на выпучившего глаза и даже почти онемевшего князя, мужчина ласково проговорил:

— Не надо нервничать, самая потеха впереди. — Длинные пальцы потянулись к шнуркам на штанах.

— А! — Фэн Мин, словно очнувшись от долгого сна, вскрикнул: — Не надо! Не надо! — Бросившись к императору Силэй, князь был настолько взволнован, что едва стоял на ногах, к счастью, его поймал Жун Тянь.

Фэн Мин недовольно закричал:

— Всё ты виноват, всякий раз меня сначала раздеваешь, а после того, как вскружишь мне голову, раздеваешься сам. В любом случае, на этот раз моя очередь раздевать тебя. — Жалуясь, князь спешно потянул за шнурки на штанах Жун Тяня, опустил голову и, несмотря на испарину, выступившую на лбу, нетерпеливо сказал: — Обычно на один узел завязывается,

так почему сегодня, как назло, завязан так непонятно! Возмутительно! Возмутительно!

Наблюдая, как Фэн Мин старается и ведёт ожесточённый бой с завязками, Жун Тянь и впрямь невольно улыбнулся, после чего всё с той же улыбкой вытянул руки, помогая и вместе с тем говоря:

— Сначала договоримся: если уж овладеваешь мной, то обязательно позволь мне как следует удовлетвориться.

— Ну конечно.

— Не случится ли, что, не удовлетворив меня, кое-кто закричит, что устал?

— Такого ни за что не случится. Ха-ха! — Князь внезапно обрадовался и, подняв голову, объявил: — Развязалось. — Как только кончики пальцев всё расшнуровали, штаны вместе с завязками упали на пол.

На Жун Тяне оставались лишь трусы, однако самого императора Силэй это нисколько не смущало, и он без стеснения позволил Фэн Мину любоваться собой.

Обрадовавшись, Фэн Мин поручился:

— Не беспокойся, я обязательно хорошенько позабочусь о тебе и позволю получить удовольствие.

— Тогда хорошо. — Жун Тянь развёл руками. — Сначала подними меня и положи в постель.

— Что? — изумился Фэн Мин.

— Я, когда проявляю инициативу, разве всякий раз не показываю чуткость, поднимая на руки и укладывая тебя в постель? — Жун Тянь с улыбкой посмотрел на князя.

Слова императора Силэй были правдой, и это заставило Фэн Мина в душе сильно скривиться.

Сказал, что позволит Жун Тяню испытать удовольствие, значит, нужно нежно позаботиться о нём. А сказанное на четвёрке коней не догонишь [1].

Фэн Мин, задыхаясь, дотащил молодого мужчину до кровати и не успел его хищно поцеловать, как Жун Тянь вновь открыл рот:

— Я хочу пить. — Этот тип, с лёгкостью выучив все недостатки, неожиданно и искусно

скопировал капризного князя Мина.

Стрела уже на тетиве, и не выстрелить невозможно [2], так что Фэн Мин от раздражения стал сверлить мужчину гневным взглядом; готовый вот-вот взорваться, внезапно он вспомнил, что хотел проявить нежную заботу, и, сдерживая раздражение и скрежеща зубами, процедил:

— Потерпеть и потом попить нельзя?

— Нет, хочу пить. Ещё хочу, чтобы напоил из своего ротика.

Князь вскрикнул:

— Я разве так требовал?

Жун Тянь, тотчас же сделав искреннее выражение лица, проговорил:

— Если в будущем так сделаешь, то этот император обязательно добросовестно напоит и накормит тебя.

Князь покраснел от гнева, однако, чтобы дать волю страсти, нужно было сначала выполнить прихоти возлюбленного — таков закон неба и принцип земли [3]. Князю ничего не оставалось, кроме как, злобно посмотрев на Жун Тяня, встать и принести воды. Однако стоило Фэн Мину повернуться, как император Силэй крепко схватил его руку.

В глазах молодого мужчины виднелась улыбка, а сам Жун Тянь со вздохом сказал:

— Хватит, хватит, я не в состоянии выучить твои забавные манеры. Хочешь меня взять — бери, только прошу тебя, в следующий раз, зная мою боль, немного прояви содействия.

Фэн Мин обомлел, но, внезапно вскрикнув, с улыбкой запрыгнул на кровать.

— Любимый Жун Тянь, я очень люблю тебя.

Стройное, наполненное страстью тело теперь официально стало «рыбкой» [4].

Простое прикосновение к телу уже опьяняло, а если языком не спеша ощутить слабый, присущий лишь Жун Тяню, солоноватый вкус кожи, действительно можно стать счастливее небожителей.

Тяжёлое дыхание то затухало, то вспыхивало вновь, и спустя долгое время вновь слышался шёпот:

— Я тебе нравлюсь?

— Нравишься.

— А любишь?

— Люблю.

— Ты всё ещё не слушаешь меня.

— Нет.

Жун Тянь, закрыв глаза и наслаждаясь прикосновениями, что дарили белоснежные пальцы Фэн Мина, поцокал языком:

— Всё же смог услышать твой послушный ответ, не должен ли я впредь позволять тебе брать себя?

— Конечно-конечно! — и Фэн Мин закивал, словно клюющая зерно курочка.

— Тогда хорошо, давай сейчас позволю тебе ещё раз овладеть мной. — И император Силэй с интересом спросил: — Хочешь выбрать какую-нибудь позу, скажи.

Фэн Мин изумлённо проговорил:

— Ещё раз? И так уже много. — Князь рухнул на крепкую грудь Жун Тяня, на которой проступило слишком много засосов.

— Эти несколько раз можно по пальцам сосчитать.

— Но у меня спина очень болит, — очень жалостливо отозвался Фэн Мин.

Император Силэй открыл глаза и с сожалением сказал:

— Я помогу тебе растереть её. — Мужчина осторожно сдвинул князя, и большие руки утешающе стали гладить талию. — Здесь?

— Угу... — Подвергшись крайне старательным поглаживаниям, князь почувствовал себя хорошо и начал почти стонать: — На это место ты так приятно надавливаешь.

— Поясницу тоже растереть, хорошо? Перевернись и лежи смирно.

— Хорошо.

После полудня явился Ле-эр и, войдя в комнату, доложил о только что полученных новостях, которые касались пути к Юнъинь, а в заключении добавил:

— Юн И уже отправил человека на границу Юнъинь и ожидает нас; государю, тайно оставив отборные войска, нужно тайком отправиться в Юнъинь, а как только с ними встретимся, тогда незачем будет волноваться. Даже если этот подлец из семьи Тун узнает, что государь жив, чтобы одолеть государя, ему нужно хорошенько взвесить свои силы. — Договорив, телохранитель взглянул на беспорядок на кровати и, обернувшись к Фэн Мину, смеясь, проговорил: — Поздравляю князя Мина, этот дневной сон, безусловно, принёс приятное удовольствие.

Причём сам Фэн Мин странно уставился на Ле-эра.

Юноша, изумившись, приблизился к постели и шёпотом спросил:

— В чём дело? После обеда не удалось поспать?

— Уснуть-то уснул, — качая головой, вздохнул князь и, собираясь сказать, прервался: — Только вот в итоге...

— Что случилось в итоге?

— В итоге... — Князь уныло пробурчал: — Перевернулся... — и замолчал, а щёки залил румянец.

Крайне сметливый Ле-эр боковым зрением посмотрел на Жун Тяня, который улыбался, словно сытая лисица, и, по всей вероятности, понял. После чего, с сочувствием глядя на князя, молодой телохранитель весьма почтительно сказал:

— Хорошо бы князю Мину выучить данный урок, чтобы в следующий раз не переворачиваться.
— Юноша в душе рассмеялся почти до судорог.

Князь долгое время недоверчиво смотрел на него, тихо предупреждая:

— Об этом деле Жун Ху знать не следует.

Только перестал говорить — дверь распахнулась, и в комнату вошёл вспотевший Жун Ху,

который, увидев императора, сразу же доложил:

— Наши оставленные в столице Боцзянь — Пэнъи — шпионы, которые несколько дней назад прислали новости, сегодня как раз приехали в Ханьгуй. Связной сказал, что Мяо Гуан официально согласилась стать женой Бо Циня, чем встревожила страну и подняла в ней хаос, и сейчас знать Боцзянь ожидает дальнейшего развития событий. На этот раз Мяо Гуан прибыла в Ханьгуй, чтобы лично закупить для свадьбы шелка, вот только все знают, что на самом деле это ложь, в её положении можно собрать со всех стран торговцев шёлка в столице Боцзянь.

Жун Тянь проговорил:

— Её приезд сюда наверняка имеет какое-то отношение к императору страны Тун — Цин Дину. Малышка Мяо Гуан считает, что может пошатнуть основу моего Силэй?

Нахмурившись, Ле-эр сказал:

— Войска Ли изначально не уступали в силе, к тому же Боцзянь и Тун действительно являются огромной угрозой моему Силэй. Государю ни в коем случае не стоит недооценивать врага.

Мысли князя от «дневного сна» и ошибки «переворота» переключились на дела государственной важности, а сам молодой человек подошёл к Жун Тяню и сел на позади стоящий стул, руки мягко легли на плечо императора Силэй, и Фэн Мин задумчиво проронил:

— Враг Ли, кроме Силэй, ещё и Фаньцзя. Силэй является старинным врагом, но его потеснил близкий и могущественный император Фаньцзя — Лун Тянь. Он изначально являлся подосланной пешкой Жо Яня, которая должна была захватить престол Фаньцзя, но, будучи отравленным Жо Янем, Лун Тянь находился у него под контролем, боясь пошевелиться. Сейчас, когда Жо Янь ничем не отличается от мертвеца, господин Ижень, весьма вероятно, уже вывел яд из тела Лун Тяня, который, благодаря амбициям, не собирается вновь становиться марионеткой Ли.

— Верно, Мяо Гуан приняла предложение Бо Циня, изначально пойдя на некий вынужденный компромисс. Поскольку Ли, если не примет надлежащие меры и останется с Боцзянь врагами и если Лун Тянь пойдёт войной на него, то может оказаться в опасном положении — атакованным врагом спереди и сзади.

Фэн Мин внезапно помрачнел и тяжело вздохнул.

Жун Ху и Ле-эр, не зная истинного положения дел, внимательно посмотрели на него.

Только Жун Тянь, поняв его мысли, спросил Жун Ху:

— У приехавших из Пэнъи людей есть новости насчёт третьей принцессы Фаньцзя?

Третья принцесса Фаньцзя, изначально являвшаяся женой младшего брата императора Силэй, была старше и соответственно приходилась царствующей тётушкой Жун Тяню. После того как её муж, Ань Сюнь, умер во дворце Силэй, чтобы избежать краха межгосударственных отношений Силэй и Фаньцзя, Фэн Мин, вынужденно выдавая себя за наследного принца Силэй, отправился в Фаньцзя, чтобы встретиться, а затем забрать третью принцессу Фаньцзя в Силэй, где её ждала обеспеченная жизнь.

Только кто бы мог подумать, что вскоре третья принцесса Фаньцзя и её возлюбленный Бо Лин, став соучастниками, сыграют на отзывчивости Фэн Мина, чтобы вскоре обманным путём выкрасть и увезти князя в Боцзянь, делая из него козырь в борьбе за место наследного принца.

В межгосударственных скандалах трудно определить врага и себя. В сложном конфликте милосердие и ненависть трудно описуемы. Однако, говоря по существу, Фэн Мин тем не менее в душе испытывал к ним дружеские чувства.

Жун Ху, поняв и осторожно подбирая слова, проговорил:

— Поначалу Мяо Гуан покинула Ли и тайно явилась в Боцзянь, что даже царствующий дом Боцзянь, как и большинство людей, не знали об этом. Только когда император Боцзянь издал официальный указ, объявив, что Боцзянь и Ли теперь породнятся, наши люди узнали, что Мяо Гуан уже начала действовать. Она подумала о влиятельной знати, которая скорей всего тайком могла объединиться, выступая против союза Ли и Боцзянь, и первое, о ком она вспомнила, — четвёртый принц Бо Лин и третья принцесса Фаньцзя.

— Наши люди отправились искать Бо Лина и третью принцессу? — И Фэн Мин вновь спросил:
— Они всё-таки не склонны вместе действовать против Мяо Гуан?

Жун Ху покачал головой, говоря:

— Слишком поздно, не нашли ни их следа, ни тени, словно они просто исчезли.

— Другого и ожидать не стоило. Тихо расставить сетку и внезапно атаковать, уничтожив противника, чтобы даже духи не знали и демоны не почували, — излюбленная тактика Мяо Гуан. — Ле-эр до сих пор ненавидел эту парочку — Бо Лина и третью принцессу Фаньцзя — за то, что она посмела обмануть князя Мина, и, фыркнув, добавил: — Эта парочка, считающаяся крайне смышлённой, мечтает окунуть палец в котёл с супом [5] и завладеть престолом Боцзянь. Хоть они и занимают почётное положение, однако маловластны и справиться с двумя могущественными людьми — Мяо Гуан и императором Боцзянь — им совсем непросто.

— В такой ситуации, боюсь, эта парочка уже подверглась жестокому удару.

С удручённым выражением лица князь неохотно проронил:

— Если они убиты, во всяком случае это довольно поразительная новость. Бо Лин хоть и не сын императрицы, но всё же один из принцев.

На что Жун Ху приглушённо ответил:

— Только потому, что Бо Лин является принцем, да и положение третьей принцессы Фаньцзя крайне деликатное, остаётся только тайком их убить и тщательно разделаться с телами. Иначе это потрясёт всю страну Боцзянь, обвинение в убийстве младшего брата крайне невыгодно скажется на будущем наследнике престола — Бо Цине. — Жун Ху, заметив, что князю стало нехорошо, добавил одну фразу, утешая: — Это лишь нынешние догадки Ваших подчинённых, если кто-то тайно помог им бежать, то, может быть, они смогли выжить.

На что Ле-эр спросил:

— Как насчёт двух других принцев, которые также заинтересованы в титуле наследного принца?

— Два принца недавно заявили, что будут лучше учиться за закрытыми дверями [6], после чего заперлись в своих резиденциях и не показываются на глаза. Уже пострадали? Или всё же заключены под надзор? На данный момент ничего не известно.

Казалось, оригинальный способ Мяо Гуан уже наполнил императорский род Боцзянь сильным и необыкновенным запахом крови. При мысли о яростной битве во дворце, о том, что не исключена возможность, что утопающие в роскоши дети царствующего рода могут тихо умереть от меча неизвестного убийцы и даже надгробья для них не будет, разве не бросало в дрожь?

Сердце сжалось, а в комнате воцарилась тишина.

Заметив, что князь тревожится, Ле-эр захотел перевести тему разговора, переключив его внимание, и, специально вздохнув, посмотрел на Жун Тяня:

— Государь всё время молчит, задумались над нашей проблемой?

Фэн Мин, опустив голову, увидел, что густые брови императора Силэй нахмурены, а лицо — серьёзное, неизвестно, о чём думал молодой мужчина. Князь похлопал Жун Тяня по плечу, спросив:

— Ты слышал то, что мы только что обсуждали? У третьей принцессы и у них все ещё есть надежда?

Жун Тянь как раз прокручивал в голове этот вопрос, когда взгляд чёрных глаз упал на Фэн Мина, внезапно лицо вытянулось, и император Силэй мгновенно поднялся с места.

Все трое, испугавшись его действий, помимо своей воли отступили на шаг, в то же время испуганно спрашивая:

— Что?

— Собираем вещи, — приглушённо приказал Жун Тянь.

— Государь, если мы сейчас уедем, проведём ночь на улице. Охранников слишком мало, если под открытым небом на нас нападут...

Но император неоспоримо выкрикнул:

— Немедленно собираем вещи и уезжаем из Ханьгуй.

Жун Ху и Ле-эр, посмотрев друг на друга, громко отозвались:

— Слушаемся!

Бросившись к двери, они спешно начали действовать.

Оставив медленную повозку, вся компания, надев большие бамбуковые шляпы и скрыв поллица под чёрной маской, оседлала коней и направилась в сторону Юньинь, подгоняя рысака. Спустя меньше чем полчаса они остановились в пустоши.

Фэн Мин, который в полдень подверг себя физической нагрузке, а сейчас стремглав мчался, словно спасаясь бегством, довольно сильно устал. Осадив коня и тяжело дыша, князь взглянул на Жун Тяня, говоря:

— Мне правда очень нравится верховая езда, однако я всё же надеюсь, что ты скажешь мне, отчего я сейчас на коне, а не в уютной гостинице?

В одночасье остановившись, охранники окружили Жун Тяня и умело развернулись, каждый защищая свою сторону. Ле-эр и Жун Ху, подстёгивая лошадей, приблизились.

Ле-эр подозрительно спросил:

— Государь почувствовал, что в Ханьгуй не безопасно?

На что Жун Тянь похвалил юношу:

— Ле-эр в сравнении с Фэн Мином намного смышлѐнее.

Князь задохнулся.

Ле-эр нахмурился и вновь проговорил:

— Однако Ле-эр всё же не понимает: откуда государь узнал, что в Ханьгуй небезопасно?

— Да-а. Ваш подчинѐнный, разведав обстановку, вернулся, всё время с осторожностью наблюдая за сторожевыми городскими войсками и за внешней обстановкой, и кроме приезда Мяо Гуан, которая внесла небольшое напряжение, совершенно не нашѐл других следов, — также отозвался Жун Ху.

Жун Тянь спросил:

— Ты отправил наших людей следить за каждым передвижением Мяо Гуан?

Жун Ху кивнул, отвечая:

— Разумеется. Наш связной, приехавший в Ханьгуй, хорошо знаком с боцзяньской охраной, я приказал ему пока не возвращаться в Пэнъи, заодно понаблюдать за действиями Мяо Гуан.

Недолго поразмыслив, император поднял голову и охотно объяснил:

— Я приказал немедленно покинуть Ханьгуй лишь из-за того, что очень скоро там могут ввести военное положение, тогда каждый дом, каждую гостиницу подвергнут обыску.

Фэн Мин с изумлением спросил:

— Как ты узнал? Не нужно говорить мне, что это только твои подозрения.

Никогда не сомневающийся в государе Жун Ху с благоговением сказал:

— Государь, наверно, увидел то, что выдало себя с головой, рассмотрев там коварный замысел.

«Угукнув», Ле-эр непрерывно закивал:

— Государь мудрый.

— Не нужно специально нагонять таинственности, скорее скажите мне, в чём дело?

Три пары глаз мрачно уставились на губы Жун Тяня.

Шелковинка лукавой лёгкой улыбки появилась на губах императора Силэй. Обведя взглядом толпу, молодой мужчина проговорил:

— Цин Дин скрытно пробрался в Ханьгуй, значит о деле, связанном с Мяо Гуан и страной Тун, император Боцзянь совершенно не знает?

— Угу, должно быть, не знает, — кивнул Фэн Мин.

— Мяо Гуан не задержится в Ханьгуй слишком долго, сегодня вечером они, должно быть, встретятся.

— Верно. — И Жун Ху учтиво добавил: — Ваш подчинённый тоже так предлагает.

— При Мяо Гуан находится приставленная императором Боцзянь охрана. Мяо Гуан нужно сбежать от настойчивой стражи, только тогда она сможет встретиться с Цин Дином.

— Верно, — голос Ле-эра тоже звучал крайне почтительно. — Государь мудрый.

Фэн Мин взглянул на Жун Ху, что стоял слева, затем направо, где стоял Ле-эр, и удручённо проговорил:

— Почему вы выглядите так, будто внезапно всё поняли? Он ещё нам не сказал, почему в Ханьгуй могут ввести военное положение.

Жун Ху терпеливо пояснил:

— Князь Мин, если император Тун — Цин Дин — и принцесса Ли — Мяо Гуан — одновременно будут найдены мёртвыми в Ханьгуй, то там могут ввести военное положение.

Глаза князя внезапно увеличились и стали больше, чем медный колокольчик, а сам Фэн Мин широко раскрыл рот, однако спустя долгое время обратился к Жун Тяню:

— Ты ведь не планировал совершить такую глупость?

Жун Тянь улыбнулся, не проронив ни слова.

Князь повернулся к Ле-эру:

— Нам нужно как можно скорее достичь безопасного места — Юнъинь, потом отобрать престол Силэй. Не лучше ли послать к ним наши войска? А так действовать крайне рискованно!

Ле-эр, вздохнув, пожал плечами:

— Мяо Гуан и Цин Дин встречаются тайком, при себе нельзя иметь слишком много охраны, если они умрут, Тун и Ли наверняка обвинят в этом Боцзянь, весьма значимый союз противника Силэй будет разрушен. Нам выпала такая превосходная возможность, крайне соблазнительная, и действительно сложно устоять перед мыслью тайно убить их. — Договорив, Ле-эр высунул язык и облизнулся, как будто убийство этих двоих было сравнимо с деликатесом.

Примечания:

[1] Обр.: сказанного не воротишь, слово есть слово; не отступаться от своих слов, держать слово; ср. слово не воробей, вылетит - не поймаешь.

[2] Обр.: созреть; не терпеть отлагательств; напряжённый, готовый к действию.

[3] Обр. в знач.: непреложная истина; абсолютно естественный, незыблемый, непоколебимый.

[4] Имеется в виду пословица: люди — нож и кухонная доска, а я — рыба и мясо; другие с ножом, а я под ножом. Означает «быть жертвой, быть в чьей-л. власти».

[5] Обр. в знач.: пристроиться к чужому пирогу, урвать кусочек, поживиться, нагреть руки.

[6] Способ обучения, при котором ученики не должны сталкиваться с внешним миром.

<http://bllate.org/book/13377/1190167>